

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 882

И.А. Айзикова

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОЗА М.Н. МУРАВЬЁВА И В.А. ЖУКОВСКОГО: К ВОПРОСУ О ПРЕЕМСТВЕННЫХ СВЯЗЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ СОЧИНЕНИЙ НА ИСТОРИЧЕСКИЕ ТЕМЫ). СТАТЬЯ ВТОРАЯ

Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 20-012-00529.

Исследованы типологические сближения и преемственные связи учебных материалов по всемирной и русской истории придворных педагогов М.Н. Муравьёва и В.А. Жуковского. Выявлена преемственность концепций и читательского адреса, а также риторики и поэтики этих учебных текстов. Продемонстрировано своеобразие программы В.А. Жуковского и его материалов для преподавания всемирной и русской истории великому князю Александру Николаевичу, определяющее акцентом на тесной взаимосвязи истории с религией.

Ключевые слова: М.Н. Муравьёв; В.А. Жуковский; придворная педагогика; педагогическая проза; типологические сближения и расхождения; преемственность

В предыдущей статье [1] были рассмотрены типологические сближения и преемственные связи учебных материалов М.Н. Муравьёва и В.А. Жуковского по общим вопросам истории и воплотившихся в них исторических и педагогических концепций. В предлагаемой статье обратимся к учебным материалам Муравьёва и Жуковского по мировой и русской истории и характеру их преемственности.

Как уже указывалось нами, В.Н. Топоровым установлены системные связи литературного творчества и педагогической деятельности М.Н. Муравьёва и выделены три взаимосвязанные тематические группы в педагогической прозе писателя, посвященной истории: по общим вопросам истории, типологии исторических событий и процессов; по мировой истории и истории России (см.: [1. С. 1, 6–7]). На этом основании исследователь сближает Муравьёва, «пытавшегося в разных, многих и частных “историях” усматривать единое и общее», с основателями «морфологии истории» (О. Шпенглер), осмысливающими ее общие законы в соотнесении с ее живым течением [2. С. 769]. Собственно, все статьи Муравьёва по мировой и русской истории, написанные для великих князей Александра и Константина, сыновей Павла I, призваны конкретизировать, иллюстрировать «общие основания» истории. Жуковский, по сути, идет тем же путем, расставляя, однако, свои акценты в силу заметного расхождения общего понимания истории – имеется в виду акцентирование им тесной взаимосвязи истории с религией и верой в Бога (см.: [1]).

Сочинения Муравьёва по мировой истории посвящены истории античного мира и Европы в Средние века и в Новое время. Утверждая в своих записках, позднее опубликованных под заглавием «Мысли и замечания», что «Бог... покрывает собственную сущность свою неким облаком перед нашим взором» [3. Т. 2. С. 348], что «не испытаем, царствовал ли Он всю вечность прежде, нежели воссияли солнца», что «всё исчезает в человеческом понятии, когда оно возвышается к Творцу существ», что «сие понятие есть возвышеннейшая точка человеческих возможностей» [3. Т. 2. С. 370–371], Муравьёв, между тем, пишет в сво-

ем «Учении истории», что историку «ничего не оставлено дополнить догадкам. Таким образом, можем судить справедливо о Риме и Карфагене; и хотя знаем происшествия сии по одним римским историкам, до нас дошедшим, мы умеем исправлять пристрастные повествования победоносного народа уважением множества побочных обстоятельств» [3. Т. 1. С. 302–303].

Исходя из этого общего посыла, Муравьёв начинает курс по всемирной истории с истории Древней Греции и основания Рима. Этому посвящены статьи об участниках Троянской войны, об осаде Трои («Несогласие вождей пагуба народов», «Благоразумие, соединенное с мужеством, преодолевает, рано или поздно, величайшие препятствия»), об установлении гражданского общества в Греции (одноименная статья), о Римской империи и ее правителях. И далее освещается история европейского Средневековья и Нового времени: статьи об империи Каролингов, объединившей, после падения Римской империи, большую часть Западной и Центральной Европы («Вольность», «Пленники»), о крестовых походах («Общее благоволение к человеческому роду»), о колонизации Вост-Индии («Дружество великого человека»), о Европе времен Людовика Великого, Фридриха II («Пример государя», «Нравственное чувство») и т.д.¹. Отметим, что среди статей Муравьёва по общим вопросам истории и по всемирной истории нет ни одной, где излагалась бы христианская концепция истории и ее начала.

Большое внимание Муравьёв придает источникам знания об истории. Среди них древнегреческая и древнеримская мифология, предания, летописи, но на первом месте стоят труды историков, которые «открывают в порядке действий порядок начал» и «сливают дела однородные в одну последовательную нить» и «означают каждому из оных свою причину» («О истории и историках», [3. Т. 1. С. 308]). В статьях приводятся имена и труды Н. Макиавелли, Г.С.-Д. Боллингброка, Д. Юма, У. Робертсона, Э. Гиббона, Н. Фергюсона, Дж. Гиллиса и др. Особое место в изучении истории, прежде всего древней, от-

водится памятникам литературы. В этом отношении первыми и равновеликими называются имена Гомера, «первого писателя», «согласием стихов запечатленного в памяти предания славных дел, украшенных прелестями воображения», и Геродота, «древнейшего творца, которого история дошла до потомства» («Историки древности», [3. Т. 1. С. 313]).

В соответствии с общей концепцией истории все статьи Муравьева по всемирной истории объединяются ее пониманием как постоянного процесса, движимого нравственностью и просвещением. Вот только несколько фрагментов, подтверждающих это:

Беспрестанные заговоры честолюбивых, уверенных, что дерзость их будет подкреплена скудной чернью; ...новые чиновательства под предлогом восстановления республики... – таковы были ужасные ступени, по коим республика Римская, потерявшая нравы свои, низвержена была с верха сияния и величия своего («Учение истории», [3. Т. 1. С. 303]);

Повести всех народов начинаются временем... невежества («Героические времена», [3. Т. 1. С. 319]);

...ближайшие к нам переходы из дикости в гражданскую жизнь сохранены преданием и историей. Мы видим греков, еще рассеянных в лесах и питающихся желудями... Какая разность между сими греками и греками Периклова времени! («Противоположение дикости и просвещения», [3. Т. 1. С. 316]).

Примеры можно продолжать. Одним из двигателей всемирной истории, по Муравьеву, являются внутригосударственные междоусобицы и войны между государствами и коалициями, всегда означающие регресс или стагнацию. Статья, специально посвященная этой проблеме, «Раздробление и соединение государств», открывається «аксиомой»: «Почти все государства европейские чувствовали вредное действие разделения» [3. Т. 1. С. 341], и далее приводится множество примеров, подтверждающих этот тезис: «Таким образом разделилось владычество Александра Великого и сделалось наследством честолюбивых полководцев его. <...> Таким образом... огромное государство Карла Великого... раздроблено было на части...» [3. Т. 1. С. 341] и т.д. В статье «Слабость удельного правления», проследившая историю Древней Греции времен разделения на полисы, Муравьев указывает как на тяжелое последствие желания афинян быть «оплотом» в борьбе греков с персами на стремление первых владычествовать над всей Грецией, что привело в конечном итоге к Пелопонесской войне, «нарушившей равновесие греческой общей республики» [3. Т. 1. С. 347]. Опасным и губительным называется разделение Германии, России, Испании на отдельные земли и княжества, произошедшее в разное время и сдерживавшее развитие государств более или менее длительный период.

Стержнем практически всех статей Муравьева о всемирной истории является вопрос о роли человека в истории – он решается однозначно: личность движет историю, в зависимости от ее нравственности продвигая историю вперед или откатывая ее назад. Статья «Предприятие Аннибала против Рима» открывается следующим утверждением:

Едва вероятно, чтобы один человек мог столько приключить опасности народу сильному и торжествующему, сколько умел нанести Риму поражений и бедствий славный полководец карфагенский Аннибал. Введя отечество своею личною дерзостью в войну трудную и опасную, он извлекал из собственных дарований, хитрости, деятельности и постоянства беспрестанно возрождающиеся способы.

«Долгое время счастливый ужасом времени своего», Аннибал всё же «был остановлен в успехах» Фабием, Марцеллом и Сципионом Африканским. Последний победил Аннибала его же хитростями, «приблизив войну к стенам карфагенским, так, как Аннибал ласкался победить римлян в Италии» [3. Т. 1. С. 326].

Собственно, всемирная история выстраивается Муравьевым как галерея личностей, поворачивающих историю (общую и частные) в соответствии со своей нравственностью и уровнем образования. Среди них особое место занимают те, кто движет историю государств и народов. Хвала возводится тем, кто продвигает ее в сторону нравственности, культуры и просвещения. Такими изображены деятели искусств и науки, а также просвещенные монархи.

Предварительное знакомство великого князя Александра Николаевича с всемирной историей Жуковский, судя по его «Плану учения», включил в программу второго класса первого «приготовительного» периода обучения. Этот предмет он намеревался вести сам².

До нас дошли два написанные им с учебной целью конспекта, которые датируются концом 1820-х гг., скорее всего, 1828-м г. В первом конспекте, о котором речь шла в нашей первой статье, дается общее представление о времени, об истории, важности изучения всемирной истории, источниках знания о ней, к каковым относятся, как и в учебных изданиях Муравьева, древнегреческая мифология, язык, предания.

Показательно, что в этом небольшом по объему конспекте Жуковский находит место достаточно большому фрагменту, посвященному Геродоту:

Геродот, уроженец Галикарнасский, есть отец Истории и прозы. <...> Держа в руках нить преданий, он от времени настоящего дошел до времен баснословных, где исчезает свет истины и начинается сумрак басни, за коим следует мрак неизвестности. История его заключается в IX книгах, каждая из них названа именем одной из Муз. Геродот собрал предания народов, в его время известных и особенно описал славную войну греков с персами, коей был современником. Он читал свою историю на торжественном собрании греков. В толпе, внимавшей Геродоту, находился юноша. Он плакал, слушая чтение Геродотово. Слезы его были прекрасные слезы восторга и соревнования. Сей юноша был Фукидид. Он сам сделался великим историком, а его История в свою очередь воспламенила Демосфена, который оружием слова, окованным на Фукидидовой наковальне, долго сражался с могуществом Филиппа за слабую Грецию. (Демосфен восемь раз переписал Историю Фукидида, которую наконец узнал наизусть)» [4. Т. 11. С. 587].

Д.В. Долгушин указывает на близость этого фрагмента к «Эмилиевым письмам» Муравьева [4. Т. 11. С. 970–971]. Мы же отметим на сближения конспекта со статьей Муравьева «Историки древности», написанной им также в учебных целях:

Геродот есть древнейший творец, которого история дошла до потомства. <...> Славное отражение персов греками заключает достойным образом сочинение его, разделенное на 9 книг, названных именами Муз, из уважения к оным. Свидетелем восторга, произведенного чтением Геродотовых творений на Олимпийских играх, был юный афинянин Фукидид, и слезы соревнования ознаменовали в нем преемника и соперника Геродотова. В годах зрелой мудрости <...> Фукидид приступил к писанию истории [3. Т. 1. С. 313–314].

Второй конспект Жуковского строится на мысли о том, что «для объяснения хронологического порядка» необходимо знать «одно важное происшествие, от коего ведется летоисчисление. Прежде считали от сотворения мира, теперь... – от рождения Христа». Предлагается универсальная периодизация исторического процесса, которая носит одновременно аксиологический характер: «...все происшествия, описываемые историю, разделяются на два порядка. В одном заключаются происшествия до рождения Христова. В другом заключаются происшествия, случившиеся после Рождения Христова». Кроме того, Жуковский выделяет четыре периода всемирной истории: «история темная от Сотворения мира до 2000 до рождения Христа», «история древняя от 2000 до Р.Х. и 500 после Р.Х. 25 веков. История средняя от 500 после рождения Христа до 1500 – 10 веков. История новая от 1500 после Р.Х. до нашего времени – 3 с половиною века» [4. Т. 11. С. 591].

И далее, в опоре на Священное Писание, конспективно описываются основные события «времен темных»: сотворение мира и человека Господом, грехопадение первого человека, утратившего «чистый образ Божий»; изгнание Адама и Евы из рая, возникновение «первого народа», происшедшего из «первого семейства» Адама и Евы; разделение «первого народа» на «многие народы», всемирный потоп, Вавилонское столпотворение, «основание первой всемирной империи – Вавилонской монархии и пришествие Авраама в Ханаанскую землю» [4. Т. 11. С. 593]. Главным источником знаний о «временах темных» и «основанием времен последующих» называются Книги Бытия.

В педагогических журналах Жуковского, «Собиратель» (1829) и «Муравейник» (1831), которые, судя по «Плану учения», должны были формировать у учеников «охоту к чтению», умение «правильно выражаться по-русски», знакомить их с «хорошими книгами – вернейшими друзьями частного человека и настоящими советниками государей», «заставляющими мыслить и возбуждать уважение ко всему человеческому» (из письма к императрице Марии Федоровне от начала июля (около 6 июля) 1828 г.; [5. С. 42]), также находим фрагменты, относящиеся к всемирной истории, концепция которой, как и в конспекте, органично соединяется со Священной историей и, как у Муравьева, с «историей естественной».

В «Плане» «Собирателя»³ статьи по данной теме были предусмотрены для обоих разделов журнала: «Отрывки, относящиеся к главным лекциям». Истории. Географии. Естественной истории. Религии» и «Выписки из классиков древних и новых, в стихах и прозе, относящиеся к главным лекциям» [4. Т. 11. С. 711]. Напрямую связанные «с материалом, изучаемым на уроках», они были «непосредственно интегрированы в учебный процесс» (см.: [6. С. 92]). Так, в первый номер журнала вошел перевод фрагментов из «Zur Philosophie und Geschichte» И.Г. Гердера «Смерть Адама», расширявший конспект «Всемирная история» в той его части, где речь идет о «первых семействах, образовавших первый народ». Во второй номер «Собирателя» вошел перевод «Общество человеческое, преобразованное в христианское» из «Истории Европы в Средних веках до новейшего времени после Венского конгресса» немецкого историка Ф.Х. Гассе, курс лекций которого Жуковский начинал слушать в ноябре 1826 г., в процессе подготовки к занятиям с великим князем⁴. Статья посвящена падению Римской империи, означавшему переход «из древней в новую историю». Важнейшей его предпосылкой называются «испорченные нравы римлян», против чего философия оказалась бессильной:

...она подкрепляла, успокаивала, спасала немногих; но толпу – знатных родом и чернь — угнетало постыдное рабство порока, разврата и нищеты. <...> Душная туча деспотизма, нравственного и политического, гражданского и военного, лежала над лучшими областями Европы, Азии, Африки, в царствование Тиверия и ненавистных его преемников, коих свирепое безумство обратило в клеймо поругания имена *Калигул, Клавдиев, Неронов и Домицианов* [4. Т. 11. С. 231].

Главной предпосылкой упадка называется то, что в эти времена «мир остался без веры», следствием чего было уже всё остальное, в том числе и «поглощение бездною» «общественного и политического здания древнего света» и монархии, самой «твердой формы правления» [4. Т. 11. С. 231]. Спасение могло прийти и пришло только «с Неба», к человеческому роду «сошло *Евангелие креста*», которое принесло людям «истину самую возвышенную и простую»: «Евангелие любви христианской и веры христианской всё изменило: нравы и законы, искусства и науки, человека и народы, слабых и сильных, подданных и царей! <...> Убедительнее всех философий древности Евангелие изъяснило нам природу человека» <...>. Им восторжествовала нравственность» [4. Т. 11. С. 232].

По наблюдению Д.В. Долгушина, первый номер «Собирателя», особенно раздел «Выписки», «воспроизводит структуру и логику <...> конспекта по всемирной истории. В раздел «Выписки» Жуковский помещает несколько тематических блоков (каждый из них состоит из цитат, афоризмов и отрывков): «Ничтожность человека на Земле», «Памятники», «Поэзия», «Предание», «Письмо», «История». <...> эти блоки прямо соответствуют изложению материала в конспекте, а в некоторых случаях и совпадают с ним текстуально» [6. С. 98–99]⁵.

Выпуск «Собирателя» прекратился на № 2, но в архивах Жуковского сохранились материалы, относящиеся к этому учебному изданию писателя-педагога. В частности, для «Собирателя» был создан перевод «Тимолеон», с перевода «Параллельных жизнеописаний» Плутарха на французский язык, выполненного Д. Рикаром. Стержнем статьи являются два нравственных выбора, сделанные Тимолеоном в минуту опасности. Однажды он, рискуя собственной жизнью, спасает в сражении своего брата Тимофана. Второй раз, во имя спасения отечества, он отдает приказ убить брата, превратившегося со временем в тирана. Вопрос о нравственной оценке поступков Тимолеона в финале решается его новыми подвигами во имя отечества. Гимном мужеству и патриотизму звучит статья «Эпаминонд и Пелопид», названная именами древнегреческих героев (еще один перевод из «Параллельных жизнеописаний» Плутарха). «Речь философа Аполлония» (перевод первой части «Похвального слова Марку Аврелию» А.Л. Тома) представляет собой надгробную речь учителя над могилою ученика, римского императора Марка Аврелия, фигура которого привлекала к себе внимание Жуковского с 1800-х гг. своей добродетельностью и, главное, как образец просвещенного монарха.

Некая общая концепция развития Европы представлена в статье «Дух времени», которая также готовилась для «Собирателя». Центральным понятием здесь оказывается «дух времени», «нечто невидимое и тайно действующее во времена первобытные... в виде теократии у египтян, завоеваний – у римлян, торговли у карфагенян». Таким же «тайно действующим» «дух времени» остается в Средние века, он выражается в том, что «чудовищному» противодействует христианство. «С книгопечатанием дух времени получает голос, <...> он выражается громко во времена Реформации, <...> еще громче в наше время: требует реформы в отношении государей и подданных. Наше время есть переход из юношества в мужество: время утверждения общественного договора». Вместе с тем, современность Жуковский толкует как соответствующую «первым временам земли после потопа», называет ее «временем всеобщего преобразования» [4. Т. 11. С. 583]. Однако не все народы Европы, считает автор, готовы к мирным преобразованиям и договорам. Одни «должны быть допущены государями на совет», «за других должны действовать сами государи». К первому готовы Франция, Англия, Германия. В России государь должен «готовить народ» к такому договору, «без спеха, без своекорыстия, с постоянством благоразумным» [4. Т. 11. С. 583].

В течение 1831 г. под руководством и при участии Жуковского выходил еще один учебный журнал – «Муравейник». В нем публиковались, наряду с произведениями Жуковского, специально написанными или переведенными для журнала, ученические переводы великого князя Александра Николаевича, великих княжон Марии и Ольги, а также И. Виельгорского и А. Паткуля, в том числе и по всемирной истории. Уже в первом номере журнала был размещен перевод небольшого фрагмента из «Церковной истории английского народа» Беды

Достопочтенного, которого называют отцом английской истории. Перевод под заглавием «Обращение Нортумберландии в христианство» выполнен, думается, по предложению Жуковского, великий князь Александр. Пафос перевода совпадает с главными положениями рассмотренного выше перевода Жуковского, сделанного для «Собирателя», – «Общество человеческое, преобразованное в христианское». В этом же номере «Муравейника» опубликован еще один небольшой перевод великого князя под названием «Фридрих II», содержащий известный анекдот о короле Пруссии, приказавшем опустить пониже повешенный на стене пасквиль на него, «чтобы народу легче читать было» [4. Т. 11. С. 266].

В № 2 «Муравейника» размещен перевод фрагмента из «Zur Philosophie und Geschichte» Гердера – «Смерть Адама», выполненный великой княжной Марией Николаевной. Выбор исходного текста тоже принадлежит Жуковскому. Перевод чуть большего по объему отрывка под таким же названием был сделан им ранее для «Собирателя», о чем шла речь выше. В № 3 журнала помещен перевод великой княжны Ольги Николаевны, сделанный из «Моралий» Плутарха. Для перевода Ольге Николаевне был предложен фрагмент истории об афинских государственных деятелях, полководцах Аристиде и Фемистокле. Показательно названный – «Любовь к отечеству», фрагмент представляет образцовый поступок Аристида и Фемистокла, враждовавших между собой, но во благо родины забывших о личных разногласиях. Нескольким переводам из «Муравейника» (в № 3, 5), сделанные Виельгорским и Паткулем, посвящены легендарным героям: Рагнару Лодброку и Аристоклему.

Уроки всемирной истории Жуковский продолжал давать своему ученику и позднее, в письмах к великому князю Александру Николаевичу 1830–1840-х гг.: напр., от 1 января 1833 г., фрагмент письма в 1835 г. был опубликован в «Библиотеке для чтения» под заглавием «Две Всемирные Истории. Отрывок письма из Швейцарии»; от конца января – начала февраля 1848 г., из которого выросли две статьи «Что будет?» и «Письма русского из Франкфурта» (переработка письма в статьи и их публикация были сделаны по желанию великого князя); от 3 (15) декабря 1848 г. – 19 (31) января 1849 г., письмо считается финальной точкой «царской педагогики» Жуковского (см.: [4. Т. 11. С. 817]). Ряд писем к великому князю 1848–1850 гг. идейно и тематически связаны со статьей «О происшествии 1848 года». Подчеркивая синтезм указанных поздних статей Жуковского, выросших из его писем к великому князю⁶, и не останавливаясь на них, поскольку они достаточно подробно исследованы, отметим лишь, что акцентными в них оказываются пафос Божественной предопределения мировой истории, усиленный, по сравнению с учебными материалами писателя; постановка на материале европейской истории актуальнейших проблем революционного вмешательства в историю, причин и последствий европейских революций, современником которых стал Жуковский; и роли личности, прежде всего просвещенного монарха, в истории.

Переходя к рассмотрению учебных материалов Муравьева и Жуковского по русской истории, необходимо прежде всего отметить, что они, как и материалы по всемирной истории, построены на основании их концепций по общим вопросам истории, имеющих как точки сближения, так и значительного расхождения, о чем было сказано в нашей первой статье и в данной статье выше.

Комплекс материалов по русской истории Муравьева, входящий, по классификации его творческого наследия В.Н. Топоровым, в текст «История», представлен, по оценке исследователя, «полнее всего», «с древнейших времен по XVIII век включительно» [2. С. 747]⁷. Корпус учебных текстов Муравьева по истории России включает в себя изданный в 1790 г. сборник «Разговоры мертвых», составленный по образцу «Параллельных жизнеописаний» Плутарха, цикл «Письма к молодому человеку о предметах, касающихся Истории и описания России», а также отдельные статьи (в целом их более 40, объемом в 2–3 стр.).

Общая концепция древнерусской истории Муравьева изложена в статье «Краткое начертание российской истории». Древняя история России ведется в ней от времен великого переселения народов, которое заложило основу для возникновения в Европе многих новых государств, в том числе и Древней Руси. Важнейшими вехами её становления называются возвращение славян с берегов Дуная, «на которых искали себе убежища от Уннов» на север, в разрушенный Словенск, их разделение в этом походе на племена, «сооружение града Киева» в 430 г. и «возобновление» «древнего града» в Приильменье «под именем Новгород» [3. Т. 1. С. 5], покорение последнего «нормандцами» и, наконец, призвание в 862 г. на княжение в трех городских областях варягов: Синеуса, Трувора и Рюрика. Во втором периоде русской истории из трех потомков Рюрика выделен «счастливейший Владимир», который, получив «дар святой веры» в 988 г., «разливает с кротостью нравов новую мудрость письмен и учения» [3. Т. 1. С. 8]. 1224 г. – год окончания второго периода русской истории – обозначен Муравьевым «несчастливым сражением на реке Калке», которое было проиграно из-за междоусобиц русских князей и закончилось вторжением на территорию Руси войск Чингисхана, «безумная воля» которого низринула «целый народ на столетия в невежество и уничтожение» [3. Т. 1. С. 21].

Закономерными последствиями этого события, между тем, стало единение народа российского, готовившегося в битвах с печенегами и половцами «быть оплотом Европы от разливания варварских народов», и становление монархии в недрах междоусобных войн [3. Т. 1. С. 22]. Нравственный смысл истории как закон ее развития, утверждает Муравьев, приводит к тому, что «то же зло, коим» Древняя Русь «была низвержена», стало «поводом» к ее возвышению, но уже в новом государственном и социальном статусе. Такой итог подводит Муравьев почти 15–17-вековой российской истории. Концепция, изложенная в «Кратком начертании российской ис-

тории», конкретизирована, расширена в статьях «Соединение удельных княжеств в единое государство», «Древние области Новгорода», «Историческое изображение России в VII веке», «Черты государственного установления» и др.

«Разговоры мертвых» передают эту концепцию «в лицах», что, конечно, не было описанием истории «домашним образом», но уже проецировало *общую* и *частные* истории друг на друга, связывала их, прежде всего, понятием нравственности. В.Н. Топоров по этому поводу заметил следующее: «Если “предисловные” фразы к каждому из “Разговоров” выписать и соединить вместе, то получится цельноединый текст смысла истории, извлеченного из ее уроков», и далее ученый создает такой метатекст, квинтэссенцию рассматриваемого цикла Муравьева (см.: [2. С. 751–753]). Кроме того и в связи с этим отметим и еще одну особенность учебных текстов данного цикла – органичное сочетание в них документального и художественного, объективного и субъективного начал, из переплетения которых и состоит история и наука о ней. Важно в этом отношении обратить внимание и на композиционный принцип всех отдельных «Разговоров» и цикла в целом: они строятся в форме диалога личностей, живших в разные эпохи и в разных странах, сделавших разные вклады в историю: Гостомысл и Ярослав I, Владимир и Карл Великий, Ярослав и летописатель Нестор, Владимир Великий и Иоанн Васильевич и т.д. – из этих диалогов складывалась целая, живая, подвижная картина истории российской.

В другом цикле учебных материалов Муравьева история предстает в письмах («Письма к молодому человеку о предметах, касающихся истории и описания России»): те же идеи, факты, личности описываются в эпистолярной форме, подчеркивающей личный характер и нарратива, и отношений учителя и ученика, занятых одним предметом – постижением отечественной истории.

Особенностью названных и других учебных материалов Муравьева по русской истории, отмеченной В.Н. Топоровым, является их обращенность к геополитике, к идее тесной связи «времени и места», истории и пространства, в котором происходят события. Важна для Муравьева и вписанность русской истории в европейскую и всемирную, в систему общих законов исторического развития человечества. Но самый главный контекст истории, по Муравьеву, это контекст законов нравственности, культуры, науки и искусства, литературы в том числе. Всё это, вместе взятое, и должно было создавать у ученика системное, универсальное, целостное представление об истории.

Нетрудно заметить те же подходы к пониманию русской истории и особенностей ее преподавания царским детям у преемника Муравьева – Жуковского. Причины этого видятся в фигуре, тесно связывающих их и как историков, и как преподавателей истории, и как воспитателей наследников царского престола. Речь идет о Н.М. Карамзине. Если Муравьев «своей деятельной, энергичной, в высшей степени ответственной и благожелательной помощью» способствовал созданию и публикации «Истории государства Российского»⁸, то Жуковский явился верным преем-

ником исторических взглядов Муравьева и Карамзина (см.: [8–14]).

Как известно, важнейшие исторические сочинения Жуковского, написанные с учебной целью для великого князя Александра Николаевича в конце 1820-х – начале 1830-х гг., были созданы в опоре на «Историю государства Российского», что отражалось даже в их заглавиях. «Введение в Историю государства Российского», концептуально охватывающее историю и географию России с древнейших времен до царствования Николая I, как отмечается многими учеными, создавалось на основе таблиц и конспектов, составленных при изучении «Истории...» Карамзина во второй половине 1820-х гг., хотя сегодня реконструирован широкий круг источников «Введения» Жуковского (см. комментарии Т. Гузаирова к «Введению...» в: [4. Т. 11. С. 685]).

Еще одно учебное пособие, использовавшееся Жуковским при преподавании курса русской истории в первом периоде учения великого князя, «Черты Истории Государства Российского», тоже строится на конспектах сочинения Карамзина. По первоначальному замыслу, оно должно было охватить период с 862 по 1462 г. (см. такую же периодизацию Муравьева в его статье «Эпохи российской империи»), но описание было доведено до 1237 г., как во «Введении...». Пособие не было завершено и получило впоследствии подзаголовок «Отрывок», предложенный Д.Н. Блудовым при публикации (см.: [4. Т. 11. С. 692–704]). Третье учебное пособие Жуковского по русской истории, впервые опубликованное в 1834 г. под заглавием «История Государства Российского. Древняя история. II. Времена уделов. III. Свержение ига татарского. 1363–1462» продолжает «Черты Истории...». Вторая и третья части пособия, по наблюдению В.С. Киселева, являются «сжатым изложением «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина» (см. подробнее: [4. Т. 11. С. 704–708]).

Передавая преподавание русской истории великому князю другим учителям, Жуковский продолжал давать «уроки русской истории» своим ученикам в других формах. Так, ряд статей на данную тему вошел в педагогический журнал Жуковского «Муравейник». В его втором номере размещен перевод великой княжны Ольги Николаевны с французского языка, озаглавленный «Суворов на Сен-Готаре» (источником перевода предположительно являются сочинения генерала Жомини о походах Суворова в Италии и Швейцарии). Перевод представляет собой небольшой рассказ о переходе русских солдат под предводительством знаменитого полководца А.В. Суворова через альпийский горный перевал для разгрома французских войск в Швейцарии. В № 4 опубликовано извлечение «О Петре Великом» из альманаха «Русская старина» на 1825 г. А.О. Корниловича, также сделанное великой княжной Ольгой Николаевной. Извлечение представляет собой «портрет» выдающейся личности: описание внешнего вида монарха, его одежды, манер поведения, распорядка дня, отдельных историй из его жизни. Все эти зарисовки объединены представлением Петра Великого как уникальной личности, характеризующейся трудолюбием, свободой мысли и дела,

демократизмом, бескорыстной заботой о России, интересом ко многим наукам и ремеслам: всё это подчеркивает в Петре Великом личность нового европейского типа, поворачивающего силой своего характера и убеждений страну на новый путь развития.

В № 5 опубликован фрагмент, принадлежащий великому князю Александру Николаевичу, под заглавием «Александр Невский». Фрагмент является «классным сочинением» великого князя (1831 г.). К его написанию Александра Николаевича подтолкнуло письмо Жуковского от 1 января 1828 г., в котором объясняется картина немецкого художника К.Г. Каруса (установлено Л.И. Вуич), подаренная поэтом воспитаннику в день официального начала обучения наследника престола. В этом письме Жуковский рассказывает предание об отроке Александре Невском. Приведем фрагмент письма Жуковского:

...я велел написать эту картину, которую теперь отдаю Вам, с тем, чтобы она, в добрые минуты Вашей жизни говорила Вам о верной любви Жуковского. Вот изъяснение этой картины.

Предание рассказывает нам, что великий князь Александр, после прозванный Невским, зашел однажды на высоту, окруженную утесами. Где это было, неизвестно. Александр тогда еще был отрок, то есть Ваших лет, или может быть двумя или тремя годами старше вас. Тогда он еще ничего великого не сделал и не мог сделать; но он уже начинал понимать, кто он, к чему должен был готовиться и чего от него ожидают. Занималось утро, когда он увидел себя на этой высоте, окруженной утесами. Выходить на нее было очень трудно; но когда он до нее дошел, то глазам его представилось зрелище восхитительное. Небо освещено было зарею; утренняя звезда, означающая приближение солнца, ярко сияла над востоком. За утесами открывалась необъятная равнина, сияющая в лучах утра, усыпанная жилищами человеческими, украшенная разнообразными творениями Бога: для всех них уже миновалась темная ночь, для всех уже было готово взойти прекрасное Божие солнце. Молодой Александр (назначенный Богом благотворить целому народу, подобно этому солнцу, благотворящему целой земле) долго смотрел на величественное зрелище, его окружавшее, долго смотрел на звезду утреннюю и на восток, который час от часу становился блистательнее. И прекрасная душа его поняла то, что он видел: он подумал о самом себе, подумал о земной своей участи, подумал и о Том, кто послал его на землю... и он сжал с молитвою руки, произнес великое имя Бога и сказал с покорною твердостью: да будет Твоя воля!

Эта прекрасная минута жизни Александра Невского изображена здесь на картине. Что же значит слово, произнесенное им в такую минуту, о том буду с Вами говорить тогда, когда придете в состояние понимать меня. Теперь же прибавлю одно: Александр Невский жил для блага своих современников, Александр Невский жил и для блага потомков, ибо мы, его потомки, и по прошествии нескольких веков, с благодарностью подходим к его гробу. Пример добрых дел есть лучшее, что мы можем даровать тем, кто живет вместе с нами; память добрых дел есть лучшее, что можем оставить тем, кто будет жить после нас.

Но память этого Александра, любезная для всех потомков его вообще, должна быть любезна особенно для Вас: Вы названы его именем; ему вверены Вы при рождении, он Ваш невидимый на земле товарищ; он особенный, тайный свидетель и судия Ваших поступков. Не забывайте же своего товарища! Старайтесь быть достойными носить на себе его имя! [15. Т. 6. С. 375–376].

Сравним с классным сочинением великого князя:

Александр и в юности был чувствителен к красотах природы: они всегда возносили душу его ко Всевышнему. Однажды в пустынном месте застигла его ночь; от усталости он погрузился в сон; утро занималось, когда он пробудился; на краю востока сверкала звезда, предшественница солнца. Александр увидел, что он находился на возвышенном месте, окруженном утесами; всё было дико; но между терновником цвели прекрасные лилии. С высоты представлялось необъятное пространство, еще покрытое мраком. Но скоро сей мрак начал редеть: открылась глазам обширная равнина, усеянная холмами, рощами, посреди коей извивалась пышная река и повсюду являлись спокойные жилища человеческие. Небо, между тем, более и более воспламенялось; наконец утренняя звезда начинает бледнеть и исчезает в блеске восходящего солнца. Александр долго смотрел на сие величественное зрелище; наконец он понял его таинственное знаменование, сложил руки, пал на колена и, решившись, во глубине души, быть для народа своего тем, что солнце для всего мира, смиренно произнес: «Да будет Твоя воля». Александр исполнил то, что в эту минуту обещал себе и Богу: он сделался образцом государей и героев. Свое княжение в Новгороде ознаменовал он блистательными победами. Но история еще более удивляется его истинно христианскому смирению. Его подданные, не привыкнув переносить иго татар, возмущались и убивали посланных для собирания податей: Александр, чувствуя, что подобное сопротивление только увеличит бедствие России, а не спасет ее, забывал свое достоинство и смиренно испрашивал помилования подданным у надменных татарских ханов. Россия, в знак благодарности за его самопожертвование для блага общего, причислила его к лику святых [4. Т. 11. С. 311–312].

Текст сочинения Александра Николаевича, как видим, довольно точно передает предание об отроке Александре, «после прозванном Невским», которое Жуковский изложил своему ученику в письме. В полном объеме переданы пафос избранности Александра Невского, божественного предопределения его судьбы, идея воскресшего в нем Христа, который являл свои действия в Александре Невском как в апостолах, мысли об отождествлении жизни святого с историей России, с ее историческим предназначением. Воспринят был великим князем и воспитательно-дидактический смысл письма Жуковского, проводимые им параллели между Александром Невским и названным его именем великим князем, которому суждено было определять историю России⁹.

Наконец, следует отметить, что и по русской истории Жуковский продолжал давать уроки своим ученикам из царской семьи уже в 1830–1840-е гг. Так, «Воспоминание о торжестве 30 августа 1834 г.», описывающее торжественное открытие Александровской колонны, состоявшееся в день тезоименитства покойного государя Александра I и наследника престола Александра Николаевича, по замечанию Т. Гузаирова, своим «идейно-тематическим содержанием» «тесно связано с изучением Жуковским русской истории, созданием исторических пособий для наследника престола». Обращенная к «идеологическому комплексу наступления “прекрасной эпохи”» [4. Т. 11. С. 763], по сути, статья была обращена к наследнику престола, которому, по глубокому убеждению Жуковского, суждено открыть эту эпоху для России. Очерк «Бородинская годовщина» (1839) представляет собой фрагмент письма поэта-педагога к великой княгине Марии Николаевне. В нем описывается празднование на Бородинском поле по случаю 27-летней годовщины Бородинского сражения, которое соотносится с впечатлениями Жуковского, участника Бородинского боя 26 августа 1812 г., и его историсофскими мыслями о благом Провидении как генерирующем двигателе истории и размышлениями о связи прошлого России с ее будущим и будущим Европы. Статью «О бракосочетании наследника» Жуковский, судя по замечанию в дневнике от 20 апреля/2 мая 1841 г., читал на завтраке у императрицы («У императрицы на завтраке. Чтение моей статьи» [4. Т. 14. С. 256]). Бракосочетание великого князя Александра Николаевича и великой княгини Марии Александровны осмыслено не только как важное личное событие в «семействе царском», но и «счастливейшее событие для всей России». Названные нами выше статьи «Что будет?», «Письма русского из Франкфурта», «О происшествиих 1848 года», выросшие из писем наследнику престола, «Русская и английская политика», содержание которой им было одобрено, по праву могут встать и в ряд сочинений Жуковского по русской истории, которая постоянно вводилась им в европейский контекст.

Таким образом, изучение педагогической прозы Муравьева и Жуковского по всемирной и русской истории выявляет множество переключек типологического характера, определяемых восприятием исторического процесса как постоянно изменяющейся целостности, порождаемой пересечением вертикального (сверхчеловеческого, у Жуковского – собственно, божественного) и горизонтального (человеческого) уровней. Их сближает и понимание авторами особенностей целевого назначения и читательского адреса своих учебных изданий: все они создавались не только для обучения, но и для воспитания будущих русских монархов. Отсюда авторская позиция учебных текстов по истории Муравьева и Жуковского – позиция историка-воспитателя. Отсюда же риторика и поэтика этих учебных текстов: настойчивое акцентирование нравственного смысла истории, роли личности в истории, значения культуры, науки и искусства как реальных двигателей исторического процесса, активное использование принципа художественного документализма в учебных текстах, что во многом

связано с их общим образцом – карамзинской «Историей государства Российского».

Продолжая мысль В.Н. Топорова о большой роли Муравьева в создании «Истории...» Карамзина, можно говорить о не меньшем значении учебных сочинений по истории Муравьева для Жуковского-педагога, преподавателя истории великому князю. Жуковский использует многие исторические идеи Муравьева и принципы их воплощения в учебно-воспитательных

сочинениях. Вместе с тем очевидно их закономерное обновление и на концептуальном уровне, и в формах изображения истории в документально-художественном учебном тексте. Введение концептуально важных для Жуковского идей, связанных с трактовкой всемирной и русской истории в соответствии с идеями христианской веры, отозвалось не только в содержании его педагогической исторической прозы, но и в ее жанрово-стилевых особенностях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Все эти статьи – из цикла с характерным названием «Опыты истории».

² С 1829 г. для преподавания истории были приглашены «специальные учителя, для русской — К.И. Арсенев, для всеобщей — Ф.И. Липман» (см.: [4. Т. 11. С. 969]).

³ Как считает Д.В. Долгушин, «по большому счету, “Собиратель” – это журнал одного автора (все помещаемые в нем материалы писались и подбирались Жуковским) и одного читателя – великого князя Александра Николаевича. Конечно, его могли читать и другие – например, товарищи великого князя по учебе И. Виельгорский и А. Паткуль. <...> Однако и подбор, и содержание текстов были рассчитаны именно на Александра Николаевича: главную задачу журнала Жуковский видел в том, чтобы помещенные в нем материалы способствовали воспитанию и образованию будущего Государя» [6].

⁴ По сообщению А.И. Тургенева, который слушал курс вместе с Жуковским, Гассе была прочитана отдельная лекция «о следствиях христианской религии и о вступлении из древней в новую историю». См.: [7].

⁵ То же самое можно утверждать и в отношении раздела во втором номере «Собирателя».

⁶ См. об этом подробно: [8. Гл. 4].

⁷ В.Н. Топоров прежде всего отдает должное муравьевскому принципу периодизации учебного материала по эпохам, что было характерно и для статей Муравьева о всемирной истории. Эпоха выделяется Муравьевым по ключевому историческому содержанию (событиям, идеям) и властвованию той или иной личности. В древней истории России Муравьев выделяет три эпохи: до 862 г. – «учреждение единоначалия»; 862–1224 гг.: «разделение России» и 1224–1462: «покорение России» (об этом Муравьевым написаны три одноименные статьи, собранные в цикл «Эпохи Российской Империи»).

⁸ См. об этом [2. С. 759–760 и далее опубликованные В.Н. Топоровым письма Карамзина к Муравьеву, «из которых многое о добрых делах» последнего в отношении первого можно узнать: С. 760–768].

⁹ По мнению Т. Гузаирова, великий князь расставил свои акценты в сочинении об Александре Невском, подчеркивая в нем «традиционные героические черты и христианские добродетели». По мнению исследователя, «на стилистику и идейный план сочинения наследника о Невском могли повлиять мемуары Николая Павловича. <...> В 1831 г. государь написал первую и вторую тетради своих мемуаров, которые, по свидетельству самого Александра Николаевича, читались в семейном кругу. Главные качества, которые подчеркивал в себе Николай I в записках – самопожертвование и героизм». Т. Гузаиров усматривает в сочинении Александра Николаевича «арену столкновения точек зрения: его наставника и отца. Отец – император Николай I – влияет на сына гораздо глубже, следствием чего является однозначное восприятие (здесь исследователь ссылается на письма к А.И. Тургеневу и гр. Разумовской. – И.А.) цесаревичем Александра Невского в традиционном военно-героическо-христианском ключе. Напротив, влияние Жуковского на его ученика оказывается внешним, ограниченным, проявившимся лишь на уровне заимствования сюжета; наследник, переписывая на своем языке письмо Жуковского 1828 г., не воспринимает его концепции просвещенного государя, в основе которой лежит представление о „памяти добрых дел“» (см.: [16]). Пожалуй, это утверждение звучит излишне прямолинейно, сочинение великого князя, на наш взгляд, дает возможность интерпретировать его так, как предлагается в нашей статье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айзикова И.А. Педагогическая проза М.Н. Муравьева и В.А. Жуковского: к вопросу о преемственных связях (на материале сочинений на исторические темы). Статья первая // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 461. С. 5–12.
2. Топоров В.Н. Из истории русской литературы. Т. II, кн. I: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации; М.Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. М.: Языки русской культуры, 2001. 912 с.
3. Муравьев М.Н. Сочинения : в 2 т. СПб., 1847.
4. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 22 т. М., 1999 – по наст. время.
5. Годы учения Его императорского Высочества Наследника цесаревича Александра Николаевича, ныне благополучно царствующего государя императора // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1880. Т. 30. С. 39–43.
6. Долгушин Д.В. Учебные периодические издания в «придворной педагогике» М.Н. Муравьева и В.А. Жуковского. Статья вторая // Текст. Книга. Книгоиздание. 2021. № 26. С. 88–102.
7. Веселовский А.Н. В.А. Жуковский и А.И. Тургенев в литературных кружках Дрездена // Журнал Министерства народного просвещения. 1905. Т. 5. С. 164–165.
8. Айзикова И.А. Жанрово-стилевая система прозы В. А. Жуковского. Томск, 2004. 403 с.
9. Канунова Ф.З. Русская история в чтении и исследованиях Жуковского // Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Томск, 1978. Ч. 1. С. 400–465.
10. Канунова Ф.З. О философско-исторических воззрениях Жуковского (по материалам библиотеки поэта) // Жуковский и русская культура. Сборник научных трудов. Л., 1987. С. 32–45.
11. Канунова Ф.З. Карамзин и Жуковский (некоторые вопросы изучения русской истории по материалам библиотеки В.А. Жуковского) // XVIII век. СПб., 1988. Сб. 16. С. 130–138.
12. Канунова Ф.З. Н.М. Карамзин в историко-литературной концепции В.А. Жуковского (1826–1827) // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21. С. 337–346.
13. Гузаиров Т. «Черты истории государства Российского» В. А. Жуковского: источниковедческая проблема как идеологическая // Русская филология. 13. Сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 2002. С. 47–53.
14. Гузаиров Т. Жуковский – историк и идеолог Николаевского царствования : дис. ... д-ра философии по рус. лит. Тарту, 2007. 153 с.
15. Жуковский В.А. Сочинения. 7-е изд. В 6 т. СПб., 1878.
16. Гузаиров Т. Жуковский – историк «великой минуты» // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. V (Новая серия). Тарту, 2005. С. 80–104. URL: <https://www.ruthenia.ru/document/539714.html>.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 13 сентября 2021 г.

Mikhail Muravyov's and Vasily Zhukovsky's Pedagogical Prose: On the Relations of Succession (Based on Essays on Historical Topics). Article Two

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 471, 5–13.

DOI: 10.17223/15617793/471/1

Irina A. Ayzikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wand2004@mail.ru

Keywords: Mikhail Muravyov; Vasily Zhukovsky; court pedagogy; pedagogical prose; typological convergence and divergence; continuity.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-012-00529.

Two of the author's articles examine the problem of the typological convergence and continuity of Mikhail Muravyov's and Vasily Zhukovsky's educational materials on history. The first article, published earlier, presents the results of comprehending this problem based on essays on general issues of history, while this article concentrates on works on world and Russian history. The author considers Muravyov's textbooks on the history of the ancient world, Europe in the Middle Ages and in modern times in comparison with Zhukovsky's educational notes on world history, articles on this topic included in his pedagogical journals *Sobiratel'* [Collector] and *Muraveynik* [Anthill], as well as articles of the 1830s and 1840s created on the basis of letters to Grand Duke Alexander Nikolaevich. The objects of the study also were a set of Muravyov's educational materials on Russian history, covering it from ancient times to the 18th century, inclusive, and the most important historical works Zhukovsky wrote for educational purposes for the Grand Duke in the late 1820s – early 1830s: "Introduction to the History of the Russian State", "Features of the History of the Russian State" and "History of the Russian State. Ancient History", articles from the above-mentioned journals and the poet's late journalism directly related to his letters addressed to the heir to the throne. The study of Muravyov's and Zhukovsky's pedagogical prose on world and Russian history reveals a lot of typological similarities, which are determined by the perception of the historical process as a constantly changing integrity generated by the intersection of the vertical (superhuman, or actually divine, according to Zhukovsky) and horizontal (human) levels. The prose is also brought together by the peculiarities of the intended purpose and reader: it was all created not only for training, but also for the upbringing of future Russian monarchs; hence the author's position of Muravyov's and Zhukovsky's educational texts on history – the position of the historian-educator, and hence their rhetoric and poetics. The texts contain a persistent emphasis on the moral meaning of history; the role of the individual in history, the importance of culture, science and art as real engines of the historical process. Muravyov and Zhukovsky actively apply the principle of artistic documentalism in educational texts, which is largely due to their common model – Karamzin's *History of the Russian State*. Both actively use many of Karamzin's historical ideas: Muravyov first formulated and enforced the principles of their implementation in his educational works, Zhukovsky was his faithful successor. At the same time, it is obvious that Zhukovsky's educational materials are naturally updated both at the conceptual level and in the forms of depicting history in the educational text. The introduction of interpretation of world and Russian history in accordance with the ideas of the Christian faith, conceptually important for Zhukovsky, was reflected not only in the content of his pedagogical historical prose, but also in its genre and style features.

REFERENCES

1. Ayzikova, I.A. (2020) Mikhail Muravyov's and Vasily Zhukovsky's Pedagogical Prose: On the Relations of Succession (Based on Essays on Historical Topics). Article One. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 461. pp. 5–12. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/461/1
2. Toporov, V.N. (2001) *Iz istorii russkoy literatury* [From the history of Russian literature]. Vol. II. Book 1. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
3. Murav'ev, M.N. (1847) *Sochineniya: v 2 t.* [Writings: in 2 volumes]. St. Petersburg: A. Smirdin.
4. Zhukovskiy, V.A. (1999–present) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 22 t.* [Complete works and letters: in 22 vols]. Moscow: YaSK.
5. Imperial Russian Historical Society. (1880) *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. Vol. 30. pp. 39–43.
6. Dolgushin, D.V. (2021) Educational Periodicals in the "Court Pedagogy" of Mikhail Muravyov and Vasily Zhukovsky. *Tekst. Kniga. Knigoznanie – Text. Book. Publishing*. 26. pp. 88–102. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/23/1
7. Veselovskiy, A.N. (1905) V.A. Zhukovskiy i A.I. Turgenev v literaturnykh kruzhhkakh Drezdena [V.A. Zhukovsky and A.I. Turgenev in the literary circles of Dresden]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 5. pp. 164–165.
8. Ayzikova, I.A. (2004) *Zhanrovo-stilevaya sistema prozy V. A. Zhukovskogo* [Genre and style system of V. A. Zhukovsky's prose]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Kanunova, F.Z. (1978) Russkaya istoriya v chtenii i issledovaniyakh Zhukovskogo [Russian history in the reading and research of Zhukovsky]. In: Kanunova, F.Z. (ed.) *Biblioteka V.A. Zhukovskogo v Tomske* [V.A. Zhukovsky's book collection in Tomsk]. Pt. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 400–465.
10. Kanunova, F.Z. (1987) O filosofsko-istoricheskikh vozzreniyakh Zhukovskogo (po materialam biblioteki poeta) [On the philosophical and historical views of Zhukovsky (based on the materials of the poet's library)]. In: *Zhukovskiy i russkaya kul'tura* [Zhukovsky and Russian culture]. *Sbornik nauchnykh trudov*. Leningrad: Nauka. pp. 32–45.
11. Kanunova, F.Z. (1988) Karamzin i Zhukovskiy (nekotorye voprosy izucheniya russkoy istorii po materialam biblioteki V.A. Zhukovskogo) [Karamzin and Zhukovsky (Some Issues of Studying Russian History Based on the Materials of the Library of V.A. Zhukovsky)]. *XVIII vek*. 16. pp. 130–138.
12. Kanunova, F.Z. (1999) N.M. Karamzin v istoriko-literaturnoy kontseptsii V.A. Zhukovskogo (1826–1827) [N.M. Karamzin in the historical and literary concept of V.A. Zhukovsky (1826–1827)]. *XVIII vek*. 21. pp. 337–346.
13. Guzairov, T. (2002) "Cherty istorii gosudarstva Rossiyskogo" V. A. Zhukovskogo: istochnikovedcheskaya problema kak ideologicheskaya [Features of the History of the Russian State by V.A. Zhukovsky: the source study problem as an ideological one]. *Russkaya filologiya*. 13. pp. 47–53.
14. Guzairov, T. (2007) *Zhukovskiy – istorik i ideolog Nikolaevskogo tsarstvovaniya* [Zhukovsky as a historian and ideologist of Nicholas's reign]. Russian Literature Dr. Diss. Tartu.
15. Zhukovskiy, V.A. (1878) *Sochineniya* [Writings]. In 6 vols. 7th ed. St. Petersburg: Izdanie knigoprodavtsa I.I. Glazunova.
16. Guzairov, T. (2005) Zhukovskiy – istorik "velikoy minuty" [Zhukovsky as a historian of the "great minute"]. *Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii. Literaturovedenie*. V. pp. 80–104. [Online] Available from: <https://www.ruthenia.ru/document/539714.html>

Received: 13 September 2021